

УДК 81'255.2 + 81'373.611
DOI: 10.17223/19986645/42/4

Н.М. Нестерова, Е.А. Наугольных, Е.В. Поздеева

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК РЕЗУЛЬТАТ АВТОРСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА: ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ

Статья посвящена вопросу о границах переводимости авторских окказиональных новообразований. С этой целью в статье исследуется роман Дж. Джойса «Улисс». Приводится углубленный сравнительный анализ возможности перевода окказионализмов на русский и немецкий языки. Прослеживается зависимость выбора переводческого приема от структурной близости/дальности языков перевода и оригинала, а также от типа словообразовательной модели, использованной Дж. Джойсом.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, окказиональные слова, перевод, переводимость, словотворчество, словообразовательная модель.

«При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык». Эти слова Гете стали эпиграфом к хорошо известной книге болгарских исследователей С.И. Влахова и С.П. Флорина «Непереводимое в переводе». О переводимом и непереводаемом можно говорить в разных контекстах. Можно, следуя за В. фон Гумбольдтом, считать перевод в принципе невыполнимой задачей, поскольку, как известно, абсолютных межъязыковых соответствий практически не существует. Этот печальный вывод стал следствием философского осмысления феномена перевода, импульсом для которого концепция языка Гумбольдта, считавшего, что наше мышление «ограничено» языком. Такое представление о соотношении языка и мышления стало причиной появления идеи о «непереводимости», поскольку два различных языка являют собой два различных мировидения. «Непереводимыми» являются как грамматика, так и слово. Согласно концепции Гумбольдта прежде всего грамматический строй отражает внутреннюю организацию мышления [1. С. 345]. Однако наиболее «непереводимыми» являются именно лексические единицы. Так, в предисловии к собственному переводу «Агамемнона» он пишет об отсутствии межъязыковых эквивалентных соответствий, причина которого заключается в том, что языки по-разному выражают одно и то же понятие, расширяя или сужая семантику слова, являющегося номинацией понятия в том или другом языке.

Аналогичное мнение высказывает и современник Гумбольдта Гегель: «Природе вещей противоречит требование, чтобы слово языка какого-то народа передавалась таким словом нашего, которое соответствовало бы ему в полной определенности. Слово нашего языка дает наше определенное представление о соответствующем предмете, и именно поэтому не представление другого народа, народа не только с иным языком, но и с иными представлениями» (цит. по: [2. С. 63]).

Немецкий драматург Ф. Геббель также подчеркивал несовпадение значений межъязыковых лексических соответствий. В частности, он писал:

«...слова различных языков лишь в редчайших случаях полностью покрывают друг друга (по значению), потому что каждый народ, называя ту или иную вещь, неизбежно выделяет в ней самое главное для себя свойство» (цит. по: [3. С. 478]).

Такой пессимизм относительно возможности передать значение слова одного языка словом другого был свойствен не только философам-романтикам XIX в., но и философам XX столетия, которые подчеркивали важность именно слова в переводе: «At the beginning of translation is the **word**» [4. С. 75]; «Built into any conception of interpretation is the **word**» [5. С. 162] (выделено нами. – *Н.Н., Е.Н., Е.П.*).

Семантическое несовпадение межъязыковых переводных соответствий объясняется не только тем, что слово передает определенное видение предмета тем или иным народом, но и тесной неразрывной связью одного конкретного слова с другими словами этого же языка, особенно тех, с которыми его связывают синонимические и антонимические, парадигматические и синтагматические, формальные и смысловые отношения. Слово каждого языка имеет «свои собственные» связи, которые при переводе нарушаются. Именно на эту нерасторжимую взаимосвязь слов в каждом конкретном языке указывал Х.-Г. Гадамер, подчеркивая, что ее практически невозможно перенести в другой язык, поскольку она индивидуальна и неповторима для каждого языка и составляет его дух [6. С. 59]. При переносе художественного слова из одной языковой среды в другую неизбежно рвутся ассоциативные связи слова, которые были у него в родном языке, а вместо них появляются новые, свойственные слову-«заменителю» в языке, к которому оно принадлежит. Это и вызывает «переводческие муки» (С. Флорин).

Очевидно, что все вышесказанное относится к непереводаемости как проблеме «глобальной». Однако можно говорить не только о непереводаемости вообще, но и о частных случаях ее проявления – отдельных «непереводаемых» элементах художественного текста. Традиционно к таким непереводаемым элементам относят реалии разного вида, фразеологические единицы, каламбуры. Существует и так называемая «безэквивалентная лексика». Благодаря наличию в языках «непереводаемых» элементов сегодня в теории и практике перевода принято различать перевод, осуществляемый при наличии переводческого соответствия, и перевод в условиях отсутствия такового. Бесспорно, последний вид перевода не отрицает переводаемости текста в целом, так как «при переводе подобные слова (безэквивалентная лексика. – *Н.Н., Е.Н., Е.П.*) находят те или иные эквиваленты» [7. С. 37]. Однако текст «скалдывается» из слов, и каждый раз, когда переводчик сталкивается с лексическими единицами, не имеющими соответствий в языке перевода, он имеет дело с частным случаем непереводаемости. Для некоторых из таких единиц отсутствие переводческого соответствия в ПЯ носит временный характер, а для других подобная «безэквивалентность» постоянна.

К лексическим единицам, «обреченным» на постоянную (языковую, словарную) безэквивалентность, относятся окказионализмы. Окказиональные слова – это авторские речевые новообразования, которые создаются в условиях одного контекста и вне его используются только в качестве цитат. Окказиональные слова отличает формальная и содержательная уникальность, по-

скольку, создавая их, писатель заключает *новое* значение в *новую* форму и выходит за границы «внешних», «навязанных» ему языковой системой правил.

По мнению Е.А. Земской, лексические окказионализмы являются «нарушителями законов (правил) общеязыкового словообразования» [8. С. 180], а окказиональное словообразование представляет собой особую подсистему, характеризующуюся отсутствием ограничений, которые действуют в узуальном словообразовании. Окказиональное словообразование использует не только внетиповые способы (например, контаминация, инкорпорирование, междусловное наложение и пр.), но и типовые, «общеязыковые», словообразовательные способы (аффиксация, сложение и пр.), а нередко и сочетание типовых и внетиповых способов¹.

Мы разделяем точку зрения Е.А. Земской, которая считает, что «нельзя дать гарантию, что найдя и охарактеризовав n способов окказионального словотворчества, мы тут же не встретим способы $n+1$, $n+2$ и так далее» [8. С. 190]. Это связано с тем, что любой окказионализм – это результат индивидуального авторского словотворчества, и следовательно, является собой нетиповое явление. Лексические окказионализмы создаются *ad hoc* – для конкретного случая, конкретного контекста. Именно поэтому один из основных признаков окказиональных новообразований – это их неожиданность как для языковой системы в целом, так и для реципиента текста в частности.

Если анализировать содержательную сторону лексических окказионализмов, то можно заметить, что в некоторой степени их значение является суммой значений частей слов, объединенных автором в единое целое. Мы используем оговорку «в некоторой степени», так как для окказионального слова также характерна апелляция к фоновой информации, своеобразная семантическая диффузность, вызванная сочетанием множества сопутствующих коннотаций: смысловых, фонетических, словообразовательных, эмоциональных и иных ассоциаций².

Очевидно, связь формы и содержания для окказиональных слов носит билатеральный характер: необычность (нестандартность) содержания определяется необычностью (нестандартностью) формы, и наоборот. Добавим, что известное высказывание Л.С. Выготского о том, что «мысль творится в слове», в контексте исследования окказиональных новообразований может быть перефразировано следующим образом: «мысль творится словом». То есть окказиональные слова могут служить своеобразным «триггером», некой стартовой точкой, в которой запускаются в действие механизмы словотворчества³.

Уникальность окказиональных слов имманентна и связана со спецификой их характера: они представляют собой органичный сплав языковой традиции и индивидуальной авторской речи, стереотипного и креативного, прецедент-

¹ Подробнее о способах окказионального словообразования см. [8].

² Проведенные нами эксперименты свидетельствуют о действительной возможности использования реципиентом индивидуальных ассоциаций при приписывании значения окказиональному слову [9, 10].

³ Об этом, в частности, писала С.И. Тогоева, анализируя результаты экспериментов по идеентификации новых слов [11. С. 66–67].

ного и неожиданного; для их понимания необходимы определенные лингвистические и экстралингвистические фоновые знания; они могут вызывать как предсказуемые, так и спонтанные ассоциации. Как уже отмечалось выше, именно благодаря этим особенностям окказионализмы не имеют и не могут иметь постоянных межъязыковых соответствий.

Каждый раз, встретив окказионализм в тексте, переводчик вынужден решать извечный вопрос «что делать?»: передавать окказиональное слово при переводе или опустить его; какие средства языка перевода использовать при передаче окказионального слова; компенсировать ли отсутствие окказионализма в тексте перевода и если компенсировать, то каким образом? Однако эти «переводческие муки» не обязательно означают, что окказиональные слова непередаваемы в принципе.

Традиционно процесс перевода определяют как последовательность мыслительных операций и вербализацию ментального образования¹, которое возникает в сознании переводчика при восприятии текста оригинала, средствами языка перевода. Тот факт, что перевод осуществляется в условиях понимания текста ИЯ, является бесспорным. Именно понимание позволяет переводчику сформировать тот ментальный образ (образование), о котором мы упоминали выше, и преодолеть трудности, которые могут возникнуть на стадии вербализации – стадии выбора переводческого соответствия в языке перевода.

Однако в случае, когда переводчику приходится иметь дело с окказиональными словами, проблемы возникают не только при вербализации, но и намного раньше – на этапе создания (формирования) ментального образования, т.е. на этапе понимания окказионализма. Это, несомненно, обусловлено формально-содержательной уникальностью окказиональных слов. Поскольку окказионализм не имеет конвенционального референта (денотата), его проецирование на сознание реципиента носит челночный (неодноразовый) характер, так как всегда сохраняется возможность для спонтанной перестройки формирующегося ментального образования. Проецирование окказионального слова на сознание переводчика строится не на определении референта, а на множестве потенциальных интерпретаций, возникающих в связи с его фонетической и/или грамматической структурой и контекстуальным окружением. Перевод окказиональных новообразований относится к тем ситуациям, когда «автоматизм» понимания отказывает и переводчику приходится строить гипотезы, рефлексировать, принимать переводческое решение.

В связи с этим возникает вопрос: является ли непреодолимой граница понимания, а следовательно, граница переводимости окказиональных слов? Бесспорно, значительную роль при преодолении границы понимания окка-

---

¹ Под ментальным образованием вслед за А.И. Новиковым и Н.Л. Сунцовой мы понимаем некое образование (субъективную репрезентацию или проекцию текста), формирующееся «в мышлении в результате понимания текста и представляющее собой максимально свернутое его содержание». [12. С. 158]. Текст перевода как вторичный текст – результат последовательности мыслительных операций, «обеспечивающих переход от текста исходного к тексту вторичному. Определяющим моментом в данном переходе <...> является наличие промежуточного звена, отражающего результат понимания» [13. С. 100]. Таким (невербализованным) промежуточным звеном между текстом оригинала и текстом перевода и служит ментальное образование, возникающее в сознании переводчика.

зионализмов играет контекст, который ограничивает (минимизирует) количество вероятных интерпретаций и, значит, управляет принятием переводческого решения: помогает переводчику сделать выбор в пользу одного варианта значения (интерпретации) окказионализма, а затем – и способа его вербализации. Однако в некоторых случаях одного контекста оказывается недостаточно, ведь «эффективность» его работы, как было замечено рядом исследователей, зависит от так называемой степени «языковой обусловленности произведения» [14. С. 15].

Ярким примером романа, где данный показатель несомненно велик, является произведение Дж. Джойса «Улисс». Его перевод на другие языки рассматривается как своеобразный вызов переводчику, а сам оригинал трактовали даже как «unreadable» («не поддающийся чтению»). Мы же в большей степени поддерживаем точку зрения П. Макги, утверждающего, что «такие работы, как «Улисс», напротив, поддаются бесконечному прочтению, поскольку не существует единого исторического кода значения, способного истощить их семантические возможности» [15. С. 7]. Добавим к этому, что бесконечное прочтение, очевидно, подразумевает и бесконечные возможности перевода.

В «Улиссе» слово невероятно многосмысленно, на что справедливо указывают почти все литературоведческие исследования романа. Окказиональные слова в нем не только обладают всеми свойствами, присущими окказиональным новообразованиям. Наряду с этим их морфемы живут собственной жизнью, вступая в новые отношения с другими «частями-черенками», и начинают организовываться в произвольном порядке [16. С. 116]. У. Эко рассматривает перевод романа «Улисс» как особый случай создания текста на языке перевода, требующий радикальной осмысленной переработки первоисточника [17. С. 365]. Учитывая это, возникает сомнение, возможен ли перевод данного произведения или мы имеем дело лишь с иллюзией переводимости?

Выше мы уже упоминали, что в случае создания лексического окказионализма автор заключает новое значение в новую форму. Исходя из этого, можно прийти к заключению, что окказиональное слово носит полностью творческий характер как с формальной, так и с содержательной точки зрения. Однако мы полагаем, что одновременно с творческой составляющей проявляется и стереотипность созданного окказионализма на уровне формы, которая связана, прежде всего, с использованием определенной словообразовательной модели.

Более того, мы считаем, что именно словообразовательная модель, точнее ее «узнавание», идентификация, способствует созданию в сознании переводчика ментального образования, служащего субъективной проекцией текста с языка оригинала. В поисках смысла, скрывающегося за окказиональным словом, кажущимся на первый взгляд бессмыслицей (например, *mangongwheel-tracktrolleyglarejuggernaut*), переводчик нередко восстанавливает «референт», используя морфологическую структуру слова как своеобразную «точку опоры». То ментальное образование, что возникает при этом в сознании перево-

дчика, служит ему основой для создания своего собственного окказионализма¹.

Мы выделили, проанализировали и классифицировали по способам словообразования более 1100 окказиональных лексем Дж. Джойса. Обобщая изученный материал, можно сделать вывод, что в основе тех способов, которые использует писатель, лежат, с одной стороны, типовые словообразовательные модели английского языка, а с другой – модели, универсальные для окказионального словообразования в целом. Процентное соотношение способов словообразования, использованных Дж. Джойсом для создания индивидуально-авторских новообразований, можно отобразить в виде диаграммы (рис. 1).

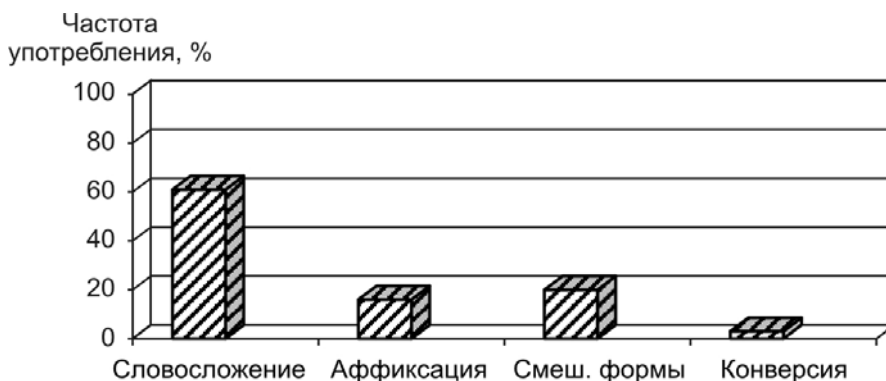

Рис. 1. Соотношение основных способов образования окказиональных единиц

Из приведенной диаграммы видно, что наибольший процент (61 %) принадлежит словосложению. Второе место занимают смешанные способы словообразования (20 %), затем аффиксация (16 %) и конверсия (3 %). Среди словосложения преобладает сложение двух и более основ по словообразовательным законам английского языка при помощи соединительной морфемы и без нее (71 %). На втором месте по частоте использования находится такой подвид словосложения, как слияние, или лексикализация (12 %). Последнее место занимает группа слов, образованных контаминацией и междусловным наложением слов – приемом, описываемым некоторыми лингвистами как подвид контаминации (7 %). Под словосложением в данном случае понимается сложение двух и более основ традиционным способом.

¹ Результаты эксперимента, проведенного нами с целью выявления особенностей понимания окказиональных лексических новообразований и принятия переводческого решения, свидетельствуют о том, что начальным моментом процесса понимания окказионального слова английского языка русским читателем являлось расчленение его на составляющие компоненты. При этом испытуемые исходили из предполагаемой словообразовательной модели, по которой было образовано данное окказиональное слово, поскольку они выделяли компоненты, совпадающие со словообразовательными (корень, аффиксы) [18. С. 161–163].

Нами также исследовались соответствия окказиональных единиц Дж. Джойса при переводе на другие языки. Сопоставительный анализ «переводческих решений» проводился на базе двух русских и двух немецких версий романа. Вместе с общепризнанным первым полным русским переводом романа «Улисс», сделанным В. Хинкисом и С. Хоружим, был рассмотрен современный перевод этой книги, выполненный С. Маховым и опубликованный в 2007 г. Перевод на немецкий язык был выбран в связи с некоторыми особенностями этого языка. Речь идет, прежде всего, о тенденции немецкого языка объединять простые слова в сложные. Поскольку среди всех способов словообразования, использованных Дж. Джойсом, доминирует словосложение, мы предположили относительную «легкость» передачи подобных единиц на немецкий язык. Перевод Г. Гойерта датируется 1927 г. и является первым иностранным переводом «Улисса». Версия Г. Волльшлегера, по мнению критиков, во многом эстетически и филологически превосходит первоначальный перевод Г. Гойерта, однако не лишена ряда ошибок и неточностей [19. С. 72]. Идея сопоставить эти переводы с точки зрения передачи окказиональных единиц на другой язык показалась нам интересной.

Далее примеры приводятся в следующем порядке согласно хронологии написания: оригинальный роман Дж. Джойса, перевод Г. Гойерта, перевод Г. Волльшлегера, перевод В. Хинкиса и С. Хоружего, перевод С. Махова. Сопоставление окказиональных слов Дж. Джойса в романе «Улисс», а также их переводных русских и немецких соответствий позволил сделать ряд выводов. В целом переводчики романа пытались сохранить способ образования окказиональной лексики и в то же время максимально передать ее семантические компоненты на ПЯ. Таким образом, среди всех способов трансляции окказиональных единиц Дж. Джойса доминирует **создание окказионализмов в тексте перевода по модели окказионализма в тексте оригинала**, иными словами, **калькирование формы**. По мнению В.С. Виноградова, калькировать авторские окказионализмы и создавать свои собственные переводчику позволяет «двойственная природа значения окказионального слова» [7. С. 127]. «Значение индивидуально-авторских неологизмов формирует их внутренняя форма и контекст» [7. С. 127].

He doesn't see my mourning. Callous: all for his own gut. *Musemathematics*. And you think that you are listening to the ethereal [20. С. 266].

Er sieht mein Trauerkleid nicht. Gefühllos: denkt nur an sich und seinen Darm. *Musenmathematik*. Und man glaubt, man lasche dem Ätherischen [21. С. 313].

Stumpfer Kerl: alles nur für seinen eigenen Bauch. *Musemathematik*. Und da meint man, man lauscht dem Ätherischen [22. С. 376].

Не замечает, мол, я в черном. Зачерствел, дальше собственного брюха не видит. *Звучоцисла*. А кажется вроде бы слышишь нечто возвышенное [23. С. 268].

Толстокож, даже своего брюха не видит. *Музматематика*. Кажется, будто слышишь нечто возвышенное [24. С. 268].

Очевидно, что окказиональная единица Дж. Джойса «*musemathematics*» была создана с помощью **словосложения**. Именно эта модель прослеживается во всех проанализированных нами версиях романа вне зависимости от

языка перевода. Относительно «прозрачная» модель словообразования и всего две основы, участвующие в создании окказионализма, приводят к практически буквальному переводу или калькированию. Заметим, однако, что лексема, предложенная В. Хинкисом и С. Хоружим, стоит немного особняком, поскольку переводчики в данном случае прибегли к **модуляции** (смысловому развитию) и превратили «математику» в «числа».

Замечено, что наибольшую сложность при переводе закономерно вызывают те единицы, которые были созданы по **смешанным моделям словообразования**. Например, к ним относится сложное авторское новообразование из 7 основ *mangongwheeltracktrolleyglarejuggernaut* (*man + gong + wheel + track + trolley + glare + juggernaut*). Разбивание окказионализма на морфемы происходит различными способами в зависимости от переводчика (*Kerlglockeradgeleiserrolleglitschigerboden* (Г. Гойерт), *Kerlgongradgleisrolleglitzerdschagannath*, (Г. Волльшлегер), *трамгонгфардугрельсджаггернаут* (В. Хинкис, С. Хоружий), *вожатогудкоколесопутедугосветодавилки* (С. Махов)), поэтому восприятие читателями конечной лексемы в тексте перевода не совпадает¹.

В случае перевода окказионализмов, созданных по смешанным моделям словообразования, переводческие решения (стратегии) могут быть различными. В частности, следует отметить, что переводчики Дж. Джойса не всегда создавали свой собственный окказионализм для передачи авторского неологизма, прибегая к разнообразным переводческим трансформациям: а) грамматическим трансформациям (*azureeyed* – лазурь окинула (В. Хинкис, С. Хоружий)); б) лексическим заменам окказионализма узуальным словом (*brawltogether* – побоище (В. Хинкис, С. Хоружий)).

В случае замены окказионализма узуальной единицей в переводе последняя легко воспринимается читателем текста перевода, однако игра со словом как замысел писателя остается при этом раскрытой не полностью. Анализ показал, что именно С. Махов нередко прибегает к замене окказионального слова узуальным (*glassyeyed* – со стекляшкой в глазу, *unbloused* – выпостала из кофточки, *panamahelmeted* – из-под панамы шлема, *smilemirked* – хмыкнула). В то же время подобные опущения в тексте его перевода компенсируются появлением окказионализмов там, где у Дж. Джойса использованы узуальные слова (*moonlight* – месяцесветный, *hoofs ring* – ступкомыт, *lisped a whistle* – просвистошелестел). Даже название романа переведено неологизмом – «ОдиссейЯ». Приведем еще один пример:

Puck Malligan, *panamahelmeted*, went step by step, *iambing*, trolling [20. С. 205].

Puck Mulligan, *panamabehelmt*, ging Schritt für Schritt, *jambend*, anstimmend [21. С. 245].

Puck Mulligan, *panamabehelmt*, tat Schritt um Schritt, *jambend*, trällernd [22. С. 293].

Пак Маллиган, *панамомосец*, перескакивал со ступеньки на ступеньку, *ямбами* путь уснащая [23. С. 207].

¹ Подробнее об этом см. описание и результаты пилотного эксперимента, проведенного нами [9. С. 152].

Понь Маллиган резвится на ступеньках, *из-под панамы шлема распевай-а-а-а* [24. С. 207].

В предложении оригинала присутствуют две окказиональные единицы: *panamahelmed* и *iambing*, образованные соответственно с помощью словосложения и конверсии. Оба русских перевода содержат лишь одну окказиональную лексему, в то время как другая передана узуальными словосочетаниями. В немецких версиях лексические девиации транслируются более точно с учетом модели словообразования, применяемой автором, стилистика при этом сохраняется, а читатели максимально ощущают особую манеру письма Дж. Джойса.

Еще одним способом перевода окказиональных лексем является **транскрипция/транслитерация**. Этот способ используется, прежде всего, при трансляции окказиональных имен собственных и фонетических окказионализмов (*kraandl*, *pfrwritt*, *thrnthnthn*), которые в большом количестве встречаются в романе «Улисс». К фонетическим авторским неологизмам относят новообразования какого-либо звукового комплекса, содержащие семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, их составляющих. Многообразные «звуки объектов», прямая речь вещей и стихий, различные звуковые комплексы характеризуют ирландского писателя как «ярко выраженного слуховика», что, в частности, было отмечено в комментариях к выполненному С. Хоружим переводу. Межъязыковая трансляция таких единиц невозможна без особых переводческих решений.

Сопоставление русских и немецких переводных версий романа позволяет нам сделать вывод о том, что в немецких переводах произведения, особенно в работе Г. Гойерта, фонетические окказионализмы и окказиональные имена собственные чаще всего (хотя и не всегда) передаются с помощью именно транскрипции/транслитерации. Подобная возможность появляется в связи с большим совпадением фонетического строя немецкого и английского языков (ср., например, *iddle* – *iddlle*, *iddel*, *sllt* – *sllt*, *sllt*). Следует заметить, что межъязыковая трансляция окказиональных онимов, особенно антропонимов, таким способом тем не менее не является предпочтительной, поскольку, передавая звуковой облик имен собственных, переводчик «теряет» семантический компонент окказиональной единицы. Задача нередко усложняется в том случае, когда в образовании окказиональной единицы текста оригинала участвует антропоним.

All possess bachelor's button discovered by Rualdus Columbus. Tumble her. *Columble* her. Chamäleon [20. С. 465].

Alle haben die bachelor's buttons, die Rualdus Columbus entdeckte. Tumble sie. *Columble* sie. Chamäleon [21. С. 545].

Alle haben sie ein scharfes Hahnenfüßen, entdeckt von Rualdus Columbus. Tummle dich. *Columble* in ihr rum. Chamäleon [22. С. 658].

У каждой наличествует холостяцкая кнопка, открытая Руальдусом Колумбусом. Заведи ее. Да *приколумбь*. Подыграет [23. С. 467].

У каждого имеется кнопка холостяка, которую открыл Руальдус Колумбус. Бери ее. *Приколумбь* ее. Хамелеон [24. С. 464].

Мы можем предположить, что окказиональный глагол *columble* был образован контаминацией антропонима *Columbus* и глагола *tumble* (*падать*, *ку-*

вырваться). Данная единица задействуется писателем в языковой игре, основанной на паронимической аттракции. Посмотрим, как справились со своей задачей переводчики. Несмотря на то, что русские переводчики создали окказионализм на ПЯ по модели окказионализма, использованной Дж. Джойсом, в той или иной мере сохранив семантический компонент единицы оригинала, на задний план отошли звуковые параллели с соседней лексемой (*tumble – заведи, беру*), которая отражается в окказиональном глаголе подлинника. Немецкие переводчики воспользовались транскрипцией/транслитерацией, что привело к потере семантической составляющей исходной единицы. Эмоциональная сила окказионального глагола, его образность неизбежно снижается. Представляется, что, возможно, было бы удачнее попробовать сохранить все оттенки смысла лексемы, созданной Дж. Джойсом, поскольку она является непосредственным центром игры слов, предложенной автором. Тем не менее оба немецких переводчика попытались передать «языковой симбиоз» оригинала (*tumble-columble*). Г. Гойерт, например, транскрибирует/транслитерирует узуальный глагол (*tumble*), тогда как Г. Волльшлегер подбирает подходящую по звучанию единицу в немецком языке (*tummlе*).

Особого переводческого решения требует передача окказионализмов, возникших на основе звукоподражания. Переводчику необходимо оценить эмоциональную силу ономапопейческой окказиональной единицы и по возможности передать ее внутреннюю форму и образность, что едва ли возможно при использовании транскрибирования в чистом виде.

Old Mrs Riordan with the rumbling stomach's Skye terrier in the City Arms Hotel. <...> O, the big *doggybowwowsywow* [20. С. 166].

Die alte Frau Riordan mit dem magenknurrenden Skye Terrier im City Arms Hotel. <...> Oh, du liebes *Wauwauwauchen* [21. С. 198].

Der alten Mrs. Riordan mit dem knurrenden Magen ihr Skye-Terrier im City Arms Hotel. <...> Oh, was für ein hübsches großes *Wauwauchen* [22. С. 237].

В гостинице Городской герб у старой миссис Риордан был скай-терьер, у которого вечно бурчало в рюхе. <...> Ах ты собачка, ты мой *гавгавгавчик* [23. С. 166].

В гостинице «Городской Герб» у старой госпожи Райордан жил скайтерьер с вечным бурчаньем в брюхе. <...> Ого-го какой у тебя большой *дружок-стручок-хозячок* [24. С. 164].

При создании звукоподражательного окказионализма *doggybowwowsywow* (*doggy + bow + wow + -sy + wow + -sy*) задействованы словосложение, редупликация и суффиксация. В немецких версиях романа, а также в первой версии русского перевода окказиональное существительное передано ономапопейческой окказиональной единицей, обладающей более прозрачной моделью словообразования, чем та, что была использована Дж. Джойсом. Звуковые ассоциации с собачьим лаем не находят место лишь в переводе С. Махова, где окказионализм создан слиянием трех рифмующихся основ.

Как известно, при переводе окказиональных слов используется и опущение. Однако проведенный нами анализ показал, что переводчики романа «Улисс» крайне редко прибегали к этому приему, возможно из-за специфики и смыслового богатства употребленных автором окказиональных единиц. В процентном соотношении русские переводчики несколько чаще использо-

вали этот способ. В целом опущения в большей степени присутствуют в работах С. Махова и Г. Гойерта. Так, например, в переводах С. Махова и Г. Гойерта отсеиваются обе окказиональные единицы Дж. Джойса *shis*, *hrim* [20. С. 483].

Представление о преобладании того или иного способа перевода в зависимости от языка перевода дает рис. 2. На наш взгляд, большой процент замены окказионального слова узуальным (25%), а также наличие опущений в русском переводе (3%) объясняется, прежде всего, различной степенью распространенности некоторых способов словообразования в английском и русском языках. Так, в ряде случаев окказиональные единицы, созданные Дж. Джойсом посредством словосложения, переводятся В. Хинкисом и С. Хоружим при помощи узуального слова или описательного перевода. Лексемы, образованные в оригинале конверсией, транслируются при помощи аффиксальных способов создания окказионализмов, узуального слова или описательного перевода. Фонетические окказионализмы не всегда передаются транскрипцией/транслитерацией (7%). Что касается немецкого языка, то его словообразовательная система в большей степени позволяет передать такую важную черту индивидуального стиля Дж. Джойса, как использование авторских неологизмов, однако и здесь семантические потери порой оказываются неизбежными. Это происходит в основном из-за общей тенденции немецкого языка к словосложению, благодаря чему в ряде случаев стирается «окказиональность» переводного соответствия в связи с естественностью его формы для немецкого языка. Кроме того, в немецком языке значительная доля фонетических окказионализмов и окказиональных имен собственных переводится транскрипцией/транслитерацией (16%). Процент опущений несколько меньше (1%), чем в русскоязычном переводе.

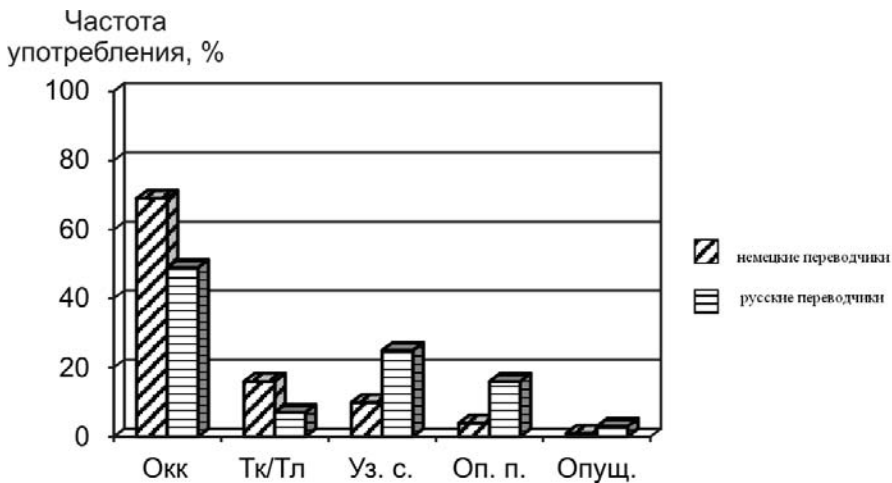

Рис. 2. Сопоставление способов передачи окказиональных слов в переводах немецких переводчиков (Г. Вольшшлегер, Г. Гойерт) и русских переводчиков (В. Хинкис, С. Хоружий, С. Махов): *Окк* – окказиональное слово; *Тк/Тл* – транскрипция/транслитерация; *Уз. с.* – узуальное слово; *Оп. п.* – описательный перевод; *Опуц.* – опущение

Итак, проведенный сопоставительный анализ окказиональных новообразований Дж. Джойса в романе «Улисс» и их переводных соответствий в русском и немецком языках позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Большая часть окказиональных новообразований Дж. Джойса создана по типовым моделям словообразования, при этом наиболее распространенным является способ словосложения.

2. Количество окказионализмов в текстах переводов и оригинала, как правило, не совпадает, что можно объяснить сложностью, многосмысленностью и возможностью разнообразных интерпретаций окказиональных слов Дж. Джойса.

3. Возможности русского языка часто не позволяют передать полностью игру Дж. Джойса со словами, их значениями и звучанием и создать такую единицу, которая выполняла бы все функции, заложенные в авторском окказионализме. Это объясняется различиями в словообразовательных системах (и словообразовательных потенциалах) русского и английского языков.

4. Ресурсы немецкого языка в большей степени позволяют передать такую важную черту индивидуального стиля Дж. Джойса, как использование авторских окказиональных новообразований, однако и здесь семантические потери порой оказываются неизбежными. Это происходит, прежде всего, благодаря общей тенденции немецкого языка к словосложению, что в ряде случаев естественным образом уменьшает своеобразность и необычность окказионализмов оригинала.

5. Сопоставительный анализ окказиональных слов Дж. Джойса и их русскоязычных и немецкоязычных переводных соответствий показал, что основными приемами перевода являются воспроизведение на ПЯ словообразовательной модели, использованной Дж. Джойсом, транскрипция/транслитерация, замена узуальным словом или (в исключительных случаях) опущение окказионализма. Доминирующим в обоих языках перевода является первый способ. Доля транскрипции/транслитерации в немецких версиях несколько выше, чем тот же показатель в русских переводах произведения. Это связано, вероятно, с фонетической близостью английского и немецкого языков; в частности, немецкоязычным переводчикам было легче справляться с межъязыковой трансляцией аллитерации и других музыкальных приемов, использованных Дж. Джойсом.

Говоря о переводах «Улисса» в целом, безусловно, нужно отдать должное переводческой «смелости» переводчиков, взявшихся за этот «нечитабельный» и «непереводимый» великий текст. Невозможно переоценить их громадный труд, направленный на то, чтобы дать возможность неанглоязычным читателям увидеть особый авторский код Дж. Джойса, языковую игру, в которую он играет, как говорил он сам, «руководствуясь собственными правилами» (цит. по: [25. С. 206]). В книге Е. Гениевой «И снова Джойс...» приводятся мнения читателей, опубликованные в блогах. Вот одно из них: «...игрушка Джойса необыкновенно сложна, но это именно игрушка. Роман написан не для того, чтобы его читать, а для того, чтобы изучать» [25. С. 262]. Переводчику приходится серьезно изучать устройство «игрушки», в первую очередь один из ее «элементов» – слово, созданное самим автором по его собственным правилам.

Проведенный анализ позволяет считать, что, с одной стороны, даже принципиально «непереводимое» становится переводимым вопреки утверждению самого Дж. Джойса, который, по словам А. Пуэра, считал, что перевод его «Улисса» никогда ни у кого не получится (приводится по: [25. С. 286]). Однако «граница переводимости» полностью не преодолевается, поскольку авторское окказиональное слово не имеет ни конвенциональной формы, ни конвенционального значения; оно всегда остается индивидуальным, несмотря на текст и контекст, в которые их погружает автор произведения. При этом необходимо подчеркнуть, что переводчики, пытаясь «добраться до непереводимого», решают сразу две задачи: «расшифровывая» чужие новые слова и создавая собственные, они познают потенциальные лингвокреативные возможности как языка оригинала, так и своего собственного.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
2. Косериу Э. Контрастная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25. С. 63–81.
3. *Разговор* цитат / пер. Л. Горбовецкой, М. Заки // Мастерство перевода. М., 1970. Сб. 7.
4. Derrida J. What Is a «Relevant» Translation? // Critical Inquiry Winter 2001. Vol. 27, № 2. P. 174–200.
5. Benjamin, A.E. Translation and the Nature of Philosophy: A New Theory of Words. New York: Routledge, 1989. 194 p.
6. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
9. Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Восприятие и осмысление окказионального художественного слова в контексте психолингвистической теории А.И. Новикова // *Вопр. психолингвистики*. 2014. № 2 (20). С. 146–153.
10. Поздеева Е.В. Окказиональное слово: особенности восприятия // *Вестн. Перм. гос. техн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики*. 2009. № 3 (19). С. 173–177.
11. Тогоева С.И. Современная лексикография и новые единицы номинации. Тверь, 2000. 147 с.
12. Новиков А.И., Сунцова Н.Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // *Обработка текста и когнитивные технологии*. 1999. № 3. С. 158–166.
13. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь, 2005. 203 с.
14. Андреева Е.А. Проблемы перевода окказионализмов русских поэтов XX века на немецкий язык. Казань: ЗАО «Новое знание», 2002. 166 с.
15. Mcgee P. Paperspace: Style as ideology in Joyce's Ulysses / Lincoln: University Press, 1988. 243 p.
16. Амелин Г.Г. Лекции по философии литературы. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
17. Эко У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе / пер. с ит. А.Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
18. Нестерова Н.М., Поздеева Е.В. Об опыте использования методики «Think-Aloud Protocols» при изучения процесса принятия переводческого решения // *Вестн. МГЛУ*. 2007. Вып. 541, ч. 2: Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Сер. Лингвистика. С. 155–164.
19. Melchior C. "Ulysses" Deutsch / C. Melchior // James Joyce betreffend: Materialien zur Vermessung seines Universums. Wien, 1985. Band 1. S. 67–73.
20. Joyce J. Ulysses. London: Picador, 1998. 741 p.
21. Joyce J. Ulysses: Roman / übersetzt von Georg Goyert. Zürich: Rhein-Verlag, 1956. 836 s.

22. Joyce J. *Ulysses: Roman / übersetzt von Hans Wollschläger*. Ulm: Suhrkamp Verlag, 2004. 987 s.
23. Джойс Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб.: Симпозиум, 2002. 830 с.
24. Джойс Дж. Сочинения в 3 т.: ОдиссейЯ / пер. с англ. С. Махова. М.: ООО «СФК Инвест», 2007. Т. 2. 696 с.
25. Гениева Е. И снова Джойс... М.: ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2011. 368 с.

THE NONCE WORD AS A PRODUCT OF INDIVIDUAL WORD CREATION: BOUNDARIES OF TRANSLATABILITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 4(42), 44–58. DOI: 10.17223/19986645/42/4

Natalya M. Nesterova, Perm Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: nest-nat@yandex.ru

Evgeniya A. Naugolnykh, Perm State Pharmaceutical Academy (Perm, Russian Federation).

E-mail: Pulina_jane@mail.ru

Ekaterina V. Pozdeeva, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: epozdeeva@hse.ru

Keywords: lexical void, nonce words, translation, translatability, word creation, word building pattern.

There are essentially two approaches to the question of the boundaries of translatability. The former claims that translation is impossible as each language interprets reality in its own way and each linguistic community perceives the world in its own particular way. The latter approaches untranslatability as a more specific problem – the one which arises due to the existence of certain “gaps” between the source language (SL) and the target language (TL), but is somehow solved in each case. The article discusses a particular case of untranslatability – the rendering of the SL nonce words (or occasional words). They are created ad hoc and characterized by the entirety of the conventional and the individual, the stereotype and creativity as well as the author’s linguistic and extralinguistic background. Nonce words do not have fixed translation equivalents, thus forcing the translator to make a specific translation decision each time s/he encounters a nonce word in the SL text.

The translation decision depends on the understanding of the SL text, which, in the case of nonce words, can be a challenge for the translator. The context helps to overcome the problem of understanding but the context only is not enough when the text is “linguistically preconditioned”. An example of a linguistically preconditioned text is *Ulysses* written by J. Joyce.

We argue that it is the world building pattern (model) that fosters the understanding of the SL nonce words and helps the translator to make a translation decision. The statistical analysis shows that J. Joyce’s nonce words are mainly formed by conventional word buildings patterns, with composition being the most frequently used model (61 %) and affixation and conversion being used less often (16 % and 3 % respectively). The comparative analysis of J. Joyce’s nonce lexis and its Russian and German translation equivalents demonstrates that the translators tend to use the replication of the word building pattern as a prevalent translation method (70 % and 50 % for German and Russian translations respectively). Transliteration/transcription (16 % and 7 % for German and Russian translations respectively), omission (1 % and 3 %) and transformation (3 % and 18 %) as well as the usage of conventional TL lexis (10 % and 25 %) are the methods which are less regularly used to render J. Joyce’s nonce words. This data indicates that the German language is more likely to allow the translator to replicate the form of an English nonce word. It results from the close genetic relationship between English and German.

Overall, the research findings indicate that even intrinsically “untranslatable” units (such as nonce words) can be translated. Yet, the problem of translatability cannot be fully solved as nonce words have neither a conventional form nor a conventional meaning.

References

1. Humboldt, W. von. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress.
2. Coseriu, E. (1989) *Kontrastivnaya lingvistika i perevod: ikh sootnoshenie* [Contrastive

- linguistics and translation: their relationship]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. XXV. pp. 63–81.
3. Empel, A. (1970) Razgovor tsitat [Talk of quotes]. Translated by L. Gorbovetskaya, M. Zaki. In: *Masterstvo perevoda* [The craft of translation]. Vol. 7. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
  4. Derrida, J. (2001) What Is a “Relevant” Translation? *Critical Inquiry*. 27:2. pp. 174–200.
  5. Benjamin, A.E. (1989) *Translation and the Nature of Philosophy: A New Theory of Words*. New York: Routledge.
  6. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Iskustvo.
  7. Vinogradov, V.S. (2001) *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation (general and lexical issues)]. Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO.
  8. Zemskaia, E.A. (1992) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka.
  9. Nesterova, N.M. & Naugol'nykh, E.A. (2014) Vospriyatie i osmyslenie okkazional'nogo khudozhestvennogo slova v kontekste psikholingvisticheskoy teorii A.I. Novikova [Perception and comprehension of occasional artistic expression in the context of the psycholinguistic theory of A.I. Novikov]. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics*. 2 (20). pp. 146–153.
  10. Pozdeeva, E.V. (2009) Okkazional'noe slovo: osobennosti vospriyatiya [Occasional words: peculiarities of perception]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki*. 3 (19). pp. 173–177.
  11. Togoeva, S.I. (2000) *Sovremennaya leksikografiya i novye edinitsy nominatsii* [Modern lexicography and new nomination units]. Tver: Tver State University.
  12. Novikov, A.I. & Sunstova, N.L. (1999) Kontseptual'naya model' porozhdeniya vtorichnogo teksta [The conceptual model of secondary text generation]. *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii*. 3. pp. 158–166.
  13. Nesterova, N.M. (2005) *Tekst i perevod v zerkale sovremennykh filosofskikh paradig* [Text and translation in the mirror of modern philosophical paradigms]. Perm: Perm State Technical University.
  14. Andreeva, E.A. (2002) *Problemy perevoda okkazionalizmov russkikh poetov XX veka na nemetskiy yazyk* [Problems of translation of nonce words of Russian poets of the twentieth century into the German language]. Kazan: Novoe znanie.
  15. Mcgee, P. (1988) *Paperspace: Style as ideology in Joyce's Ulysses*. Lincoln: University Press.
  16. Amelin, G.G. (2005) *Lektsii po filosofii literatury* [Lectures on the philosophy of literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
  17. Eco, U. (2006) *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Saying almost the same thing. Experiments on translation]. Translated from Italian by A.N. Koval'. St. Petersburg: Simpozium.
  18. Nesterova, N.M. & Pozdeeva, E.V. (2007) Ob opyte ispol'zovaniya metodiki “Think-Aloud Protocols” pri izucheniiya protsessa prinyatiya perevodcheskogo resheniya [On the experience of the use of “Think-Aloud Protocol” methodology when studying the process of finding translation solutions]. *Vestnik MGLU*. 541:2. pp. 155–164.
  19. Melchior, C. (1985) “Ulysses” Deutsch [German Ulysses]. In: Breicha, O. (ed.) *James Joyce betreffend: Materialien zur Vermessung seines Universums* [On James Joyce: materials for surveying the universe]. Vol. 1. Vienna: Jugend und Volk.
  20. Joyce, J. (1998) *Ulysses*. London: Picador.
  21. Joyce, J. (1956) *Ulysses: Roman* [Ulysses: a novel]. Translated into German by G. Goyert. Zurich: Rhein-Verlag.
  22. Joyce, J. (2004) *Ulysses: Roman* [Ulysses: a novel]. Translated into German by H. Wollschläger. Ulm: Suhrkamp Verlag.
  23. Joyce, J. (2002) *Uliss* [Ulysses]. Translated from English by V. Khinkis, S. Khoruzhiy. St. Petersburg: Simpozium.
  24. Joyce, J. (2007) *Sochineniya v 3 t.: OdisseyYa* [Works in 3 volumes: OdisseyYa]. Translated from English by S. Makhov. Vol. 2. Moscow: SFK Invest.
  25. Genieva, E. (2011) *I snova Dzhoyss...* [And Joyce again . . .]. Moscow: VGBIL im. M.I. Rudomino.